

...А потом в его душе не осталось ничего, кроме ужаса надвигающейся смерти. Всем его существом теперь двигала одна мыслишка, одно желание, одна страсть — жить, жить, жить! Какое угодно унижение пройти, хоть на коленях, хоть на брюхе, любую цену заплатить. И, сломленный смертным страхом, он мелко суетится, заглядывает в глаза фашистам, что-то говорит, все еще не понимая, что предает не только своих боевых товарищей, Родину, но и душу свою. И только в самый последний миг, когда убирает табурет из-под ног казнимого Сотникова и встречается с ним глаза в глаза, он как бы очнулся вдруг и осознал весь ужас содеянного собою.

А Сотников не сломался, с достоинством прошел свою Голгофу и встретил последний свой миг. Рыбаку же, предавшему его, отныне вечно пребывать на своей Голгофе. Проклятый и презираемый жителями деревни, он возвращается вместе со своими новыми хозяевами в фашистский стан и пытается повеситься в туалете на снятом с брюк ремне. Но... голова выскальзывает из петли, он с ужасом осознает: смерть не принимает его...

Финальный эпизод фильма «Восхождение» воспроизводит по ощущению пережитого на первом просмотре — для тех, кто фильма не видел и, возможно, не увидит. А без него понять и оценить масштаб того явления в советском искусстве, которое именуется «актер Владимир Гостюхин», пожалуй, невозможно. Мне кажется, я и теперь слышу этот жуткий крик, вижу сжигаемые погибельным прозрением затравленные глаза и снова переживаю потрясение трагедией слабого, сломавшегося человека, не хотевшего, но ставшего предателем. Но и радость свою помню: какой мощный актерский талант открыл нам этот фильм!

Так уж устроен человек: мы помним имена своих первых учителей и тех, кто определил судьбу. Для Гостюхина таким главным человеком стала кинорежиссер Лариса Шепитько.

— Должен признаться, в моей жизни именно женщины играли ключевую роль. Прежде всего мама, Александра Ивановна, как и отец, — фронтовичка. С теплой благодарностью вспоминаю Ольгу Петровну Солдатову. Руководитель самодеятельного театрального коллектива в Свердловске, она дала мне азы актерской профессии, увлекла театром. И вот Лариса Ефимовна Шепитько, режиссер... Я встретился с ней в «простоянные» для меня годы, ко-

гда работал мебельщиком-режиссером в Театре Советской Армии. Хотя давно окончил ГИТИС и уже играл в восьми спектаклях. Она подобрала актеров для «Сотникова», и меня пригласили на пробы. Я прочитал повесть Василя Быкова и сразу понял: это мое. Моя измученная неудачами, разочарованиями, крепнущим желанием отказаться от актерской профессии душа как-то сразу легла на трагический образ Рыбака.

Сегодня клянут советский кинематограф, он-де был такой и сякой. Нет, это был потрясающий, великий, не похожий ни на один в мире,

все это одобряется, и мастера словесности требуют «давить этих негодяев», закрыть оппозиционные газеты и т. д. Под этим письмом подписывается и Василь Быков. Непонятно, непостижимо!

— Метаморфоза с Василием Владимировичем странна и мне. Я всегда считал его писателем с чуткой и тревожной совестью и никак не мог понять, почему он, которого всегда так любили и ценили в России, вдруг встал на откровенно антирусские позиции и подчас высказывается о России с таким пренебрежением, что я, русский человек, россиянин, чувствую себя оскорбленным... Мне ка-

свою собственную, личную. У меня такое ощущение, что стреляли в меня. В то время я был на съемках, душой рвался в Москву, однако вернулся, когда все закончилось... Это одно из тягчайших преступлений двадцатого века. Думаю, умру с этой мыслью, но не забуду, что сотворил с моей Россией.

— Владимир Васильевич, а что произошло в Минске недавно с Булатом Окуджавой? Тут вся демократическая пресса подняла по этому поводу шум, а «Московский комсомолец» даже напечатал гневное письмо зрителя в ваш адрес, где вы предстаете в роли хулигана.

нозкрана. В телепрограмме, например, был заявлен фильм «Генерал Горбатов» с Гостюхиным в главной роли, и перед самым показом снят, заменен.

— Чтобы подняться на спасение отечественной культуры, надо преодолеть раскол в стане художников. Но у нас одни остались с народом, отстаивают национальную литературу, искусство, другие ударились в холуяж...

— Наука, культура, образование — вот мишень, на которую обрушиваются самые мощные удары разрушителей. Оставив общество без национального духа, без национального менталитета, ра-

— Но мне кажется, здесь и диверсия против самой армии: чтобы уничтожить ее, надо растоптать идеалы, символы, образцы воинской чести и славы...

— Естественно! А для этого — выставить армию своим поделеньком, нравственно уничтожить ее, запятнать в глазах народа, испачкать в крови. Горько, невыносимо больно все это, ведь я таманец.

— А что бы вы сказали тем, кто служит сейчас в дивизии?

— Все ли приказы надо выполнять? Я понимаю: армия есть армия, но вот генерал Горбатов шел наперекор

ского режиссера Никиты Михалкова «Урга», где удалось создать образ эдакого ваньки-встаньки, вроде бы Иванушки-дурачка, но совсем наоборот. Слова песни, которую я пою в китайском ресторане, «Вы пали за Русь, погибли вы за Отчизну, поверьте, что мы за вас отомстим и справим прекрасную тризну», — поразительно созвучны с нашими днями.

За этот фильм я получил Государственную премию России — из рук главы государства, к которому давно уже никаких положительных эмоций не испытываю. При близком расстоянии то, что ощущал всегда по отношению к нему, то и увидел. Что касается премии... Ну получил и получил. Фильм достойный.

... Гостюхин из этой премии ни копейки не взял себе. После получения премии они с киноактером Юрием Малаховым сели в машину и объехали оппозиционные издания — «День», «Молодую гвардию», «Литературную Россию»... Юра сам заходил в редакции и передавал суммы от Гостюхина, часть премии отдала возле Музея Ленина в помощь раненым и лефортовцам. Сто тысяч от Гостюхина Юра принес и «Советской России». Я понимаю, почему Владимир Васильевич делает это через посредников: ему неловко выслушивать слова благодарности, он предпочитает делать добро инкогнито. Зато с благодарностью помнит тех, кто помогал ему. И особенно тепло вспоминает Сергея Федоровича Бондарчука — снимался у него в итальянской киноверсии знаменитого шолоховского романа «Тихий Дон», в роли Петра Мелехова.

«Представьте, классик отечественного кинематографа, выдающийся мастер, которого знает весь мир, сегодня не может найти денег, чтоб экранизировать «Тараса Бульбу». Вот куда бы надо тратить государственные средства! Но, но, но...» — с горечью трижды повторил Гостюхин.

— Живу с надеждой на возрождение страны. Разрушена страна — и души разрушены. Но держава наша еще возстанет из пепла. Беларусь свое слово уже сказала: один из трех беловежских заговорщиков сошел со сцены. У нас поднимается мощное движение за воссоединение единой семьи народов. Народ наш проснется через совесть, я верую в это. И тогда начнется новое восхождение от нынешней Голгофы к свету, братству, к той высоте, которая будет достойна нашей великой возрожденной державы.

Надежда ГАРИФУЛЛИНА.

Сов. Россия. — 1994. — 19 марта. — с. 3.
Лауреат Госпремии России Владимир ГОСТЮХИН:
«ПРОСНЕМСЯ ЧЕРЕЗ СОВЕСТЬ»

уникальный кинематограф, который уничтожили сами кинодеятели своими же руками.

Лариса в «Сотникове» оказалась провидцем, сделав фильм на все времена. Сейчас к власти пришли Портновы — те самые мерзавцы и предатели по призванию, кого так блистательно сыграл Анатолий Солоницын, царствие ему небесное! Все остальные, подобно Рыбаку, затаивались, надеясь как-то пережить смутные времена. Такая позиция и привела к тому, что мы потеряли великую державу.

Помню, на премьере картины в Минске мы сидели с Ларисой на сцене, еще шел фильм, мы смотрели в полутьмный зал и тихонько разговаривали. Я запомнил ее слова, потому что говорила она об очень важных для меня вещах: «Ты знаешь, меня поражают диссиденты, говорят, будто в этой стране ничего делать невозможно. Какая ложь! Можно делать, можно! Если твоя позиция честна, если ты не конформист, если в тебе настоящий, честный художник. Просто надо бороться, а если нужно, то и драться за свое дело...»

— Вот мы и подошли к извечной теме: позиция художника. Василь Быков написал пронзительную повесть, Лариса Шепитько поставила по ней великий фильм, который будет жить и жить... Но вот прошли октябрьские события, случилась неслыханная трагедия, и мертвые еще не преданы земле, а в «Известиях» появляется письмо 42 литераторов президенту, где

жется, Василь Быков никогда уже не поднимется на тот писательский уровень, который был заявлен в «Сотникове». Очень горькая утрата. Горькая потому, что с Василием Владимировичем Быковым мы сейчас расходимся кардинально.

— Многие артисты, в том числе и народные, тоже поспешили прислониться к власти... А вот вас представить в этом хоре «певцов» просто невозможно.

— Я всегда был независимым человеком и актером, видимо, поэтому судьба и не баловала. Не был конъюнктурщиком, старался выбирать работы, соотносясь со своей совестью. И за большинство работ мне не стыдно. В советское время имел широкие возможности для творчества, у меня хватало мужества отказаться от каких-то конъюнктурных работ, меня никто не неволил. Отец мой честно служил коммунистической идее и ничего с этого не имел. Мне тоже была близка эта идея, в юности читал Ленина, а потом увидел, что в партию многие идут ради карьеры, доверия к партийным вождям не было, и я отказался вступать, хотя и предлагали. Но антикоммунистом не был никогда.

И теперь стараюсь быть независимым, в актерских тусовках, где поют дифирамбы то Ельцину, то Гайдару, не участвую принципиально. После октябрьских событий вообще считаю их верхом безнравственности. Нет дня, когда бы я не думал об этой трагедии. Я пережил ее как

— В одном из интервью Булат Окуджава заявил, что наслаждался зрелищем штурма «Белого дома» и смотрел его как потрясающий детектив. Это признание меня потрясло! Неужели это Булат Окуджава? Кумир мой, да и вообще молодых людей шестидесятых годов. Мы выросли на его песнях, я знал их наизусть и очень любил. И вот этот поэт-гуманист наслаждается телерепортажем о массовой бойне. Уму непостижимо!

Когда узнал, что в филармонии состоится пикетирование концерта Окуджавы, то естественным движением души было выразить свой протест. Я пришел с пластинкой своего бывшего кумира и на глазах собравшихся сломал ее.

— И таким образом концерт мэтра не состоялся?

— Ну почему же? Состоялся! Многие ведь не знали о заявлениях Окуджавы, для кого-то он по-прежнему остается кумиром, хотя и поставившим. Один из зрителей вышел на сцену с цветком. Окуджава потянулся за ним, но молодой человек сломал цветок и вышел из зала. Так он простился со своим кумиром и с иллюзиями относительно его.

...Совесть — мерило поступков, по Гостюхину. В том числе и лично его поступков. «От ваших реформ мусор на улицах и в душах», — откровенно и прямо написал он в одном из писем российским властям. За независимость позиции, естественно, приходится платить, и очень дорого: отлучением от теле- и ки-

зоров связь времен, легче сделать из людей манкуртов — тупых, безвольных, управляемых рабов. И все же до конца поработить народ не удалось. Ностальгия по утерянной стране, по социализму растет. Мы поставили спектакль «Мы идем смотреть «Чапаева» — зритель валом валит. Но сопереживать мало. Надо объединяться.

Наше белорусское телевидение все же не так низко пало, как «Останкино» или Российское, идут передачи о народных традициях, культуре. Недавно показали фильм «Моонзунд» — по Пикулю. Со временем на свою работу смотришь уже как бы со стороны, другими глазами. Я поразился: какая современная картина! Судьба сводит на крохотном пятачке русской земли двух совершенно полярных людей — дворянина и моряка-большевика, и оба жертвенно служат идее защиты Отечества. Мысль проста: когда Родина в опасности, на ее спасение встать надо всем — белым, красным, монархистам, коммунистам, всем патриотам...

— Вы сказали, что служили в Таманской дивизии. Как вы относитесь к тому, что она участвовала в расстреле Дома Советов из танков...

— Для меня это пощечина... Отцы наши в Великую Отечественную такую славу добыли, защищая Родину, что дивизию назвали гвардейской. А нынешние таманцы... Не знаю, сможем ли мы вообще когда-нибудь смыть эту кровь. Чем, как — не знаю... Это такое позорное пятно...

каким-то приказам, если они — против совести. Потому, наверное, этот фильм начальство и не нравится. Хочу напомнить: армия — это защитница, но не какой-то разбогатевшей группы людей, а народа. Конечно, бесследно октябрьская трагедия не пройдет, верю, что глубинный, нравственный суд все равно состоится и, если в тех, кто стрелял по безоружным соотечественникам, осталось еще что-то человеческое, они сами будут судить себя судом чести и совести.

— Так же, как ваш Рыбак из «Восхождения»?

— Да, и они будут стоять на коленях и вымаливать у Родины прощение, будут! Тех, кто делал это черное дело сознательно, по-портновски, ждет суд вечный. Кто-то же действовал бессознательно, «запудренный» и пропагандой, и начальством. Вот их мне жалко.

...В сборнике-справочнике «Кто есть кто в России и ближнем зарубежье» Гостюхину посвящена целая страница, почти половина занята перечислением всевозможных наград и премий, в том числе и международных. Какие же из них ему наиболее памятные?

— Я горжусь Государственной премией СССР — за работу в картине по роману классика советской литературы Юрия Бондарева «Берег». Я горжусь премией БССР — за работу в фильме по роману известного белорусского советского писателя Ивана Шамякина «Возьму твою боль». Я горжусь, что снялся в картине выдающегося рус-